

«Печать пророков»: образ Мухаммада в *Corpus Tholetanum*

Светлана И. Лучицкая

*Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия,
svetlana-luchitskaya@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследуются сочинения, опубликованные и рукописные, XII в., вошедшие в состав так называемого Толедского корпуса – коллекции латинских переводов арабских текстов, созданной по инициативе клюнийского аббата Петра Достопочтенного. Существует широко распространенное мнение, согласно которому цель этого интеллектуального проекта состояла в том, чтобы расширить знания христианского мира об исламе. На основе анализа ряда текстов – произведений Петра Достопочтенного, Германа Далматинского и др. – автор пытается показать, что настоящей целью амбициозного предприятия было создание «арсенального оружия» (armarium) христианской полемики. Этот вывод подтверждается, в частности, на примере анализа переводного сочинения XII в. (*Liber Generationis Mahumet et nutritura eius*), посвященного ранним годам жизни пророка ислама. Рассматривая пассаж, в котором рассказано о пророческом даре основателя ислама, и сопровождающую его иллюстрацию, автор статьи показывает, как средневековый переводчик, ничего не меняя в содержании оригинала, перетолковывает его с целью убедить своих читателей в том, что Мухаммад был фальшивым пророком.

Ключевые слова: ислам, образ Мухаммада, Толедский корпус, Петр Достопочтенный, Герман Далматинский, христианская полемика

Для цитирования: Лучицкая С.И. «Печать пророков»: образ Мухаммада в *Corpus Tholetanum* // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 3 (36). С. 264–282. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-3-264-282

The “Seal of the prophets”: the image of Muhammad in the *Corpus Tholetanum*

Svetlana I. Luchitskaya

*Institute of World history of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, svetlana-luchitskaya@yandex.ru*

Abstract. The article studies several written works of the 12th century (some not yet published) that form a part of the so-called *Corpus Tholetanum*, which is known to be the collection of the Latin translations of Arabic texts created on the initiative of the Cluniac abbot Peter the Venerable. It is widely believed that the aim of this intellectual project was to expand knowledge of the Christian world about Islam. Basing on the analysis of some works of Peter the Venerable, Herman of Dalmatia and others, the author tries to show that the real goal of the ambitious venture was to create the “arsenal” (armarium) of the Christian polemics. This conclusion is corroborated by the analysis of the 12th-century text (*Liber Generationis Mahumet et nutritura eius*) dedicated to the early years of the Prophet’s life. By examining the story about Muhammad’s spiritual gift of prophecy as well as accompanying illustration, the author of the article shows how the medieval translator reinterpreted the original without adding anything to it but nevertheless convincing his readers that Muhamad was a false prophet.

Key words: Islam, image of Muhammad, Toletan collection, Peter the Venerable, Herman of Dalmatia, Christian Polemics

For citation: Luchitskaya SI. The “Seal of the prophets”: the image of Muhammad in the *Corpus Tholetanum*. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series*. 2018;3(36):264-82. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-3-264-282

Введение

Среди памятников средневековой латинской литературы есть целый пласт текстов, которые рассказывают о пророке Мухаммаде. Это так называемые *vitae Machometi* – жизнеописания основателя учения ислама. Они встречаются как в литературных произведениях – из них самым ярким и значительным является *Vita Mahumeti* Эмбрико Майнцского [1 с. 440–490], – так и в теологических, например клюнийского аббата Петра Достопочтенного [2], а также

в исторических трудах – скажем, в хронике Гвиберта Ножанского [3 с. 94–100]. На эти сочинения, многие из которых были заново открыты историками, литературоведами и лингвистами, стали обращать внимание лишь в последнее время, когда начался настоящий бум исследований по данной тематике [4, 5]. Из многочисленных произведений средневековой литературы, посвященных пророку ислама, здесь будут рассмотрены несколько таких текстов, относящихся к XII в., в том числе неопубликованных. Они составляют часть так называемого Толедского корпуса – коллекции латинских переводов арабских текстов, включая Коран, созданной в середине XII в. по инициативе и под руководством клюнийского аббата Петра Достопочтенного. В историографии долгое время считалось, что уже само появление такого интеллектуального проекта свидетельствовало об интересе средневековых людей к исламу и о стремлении расширить свои знания о чужой религии [6 с. 15]. Так ли это было на самом деле, покажет анализ выбранных для исследования текстов.

Петр Достопочтенный и «Толедская коллекция»

Как известно, именно в XII в. интерес к исламу обострился, естественно, в связи с крестовыми походами, а также переводческой деятельностью, развивавшейся, в частности, в освобожденных во время Реконквисты городах. Крупнейшим таким центром был Толедо, где архиепископ Раймунд (1125–1152) поощрял всякий обмен знаниями между еврейскими, христианскими и мусульманскими учеными и где впервые были переведены с арабского на латинский известнейшие в Средние века философские и научные труды, в том числе произведения Аристотеля. Именно туда в 1142 г. и прибыл знаменитый клюнийский аббат Петр Достопочтенный. Он отправился в путешествие по Испании с целью встретиться с известным своими успехами в Реконквисте королем Альфонсо VII и добиться его поддержки клюнийского ордена, а также полакомиться достижениями арабской учености – интеллектуальными сокровищами, которые теперь, с отвоеванием города у мусульман, стали доступны всем христианам. В Толедо Петр Достопочтенный встретился со знаатоками астрономии и математики и переводчиками арабских текстов Робертом Кеттоном и его другом Германом Далматинским. Аббат Клюни отвлек друзей, прибывших в Толедо изучать арабскую науку, от их штудий и, пообещав щедрое денежное вознаграждение, поручил им перевести на латинский язык целый ряд арабоязычных текстов, как христианских, так и – что особенно

важно – мусульманских, включая «сарацинский закон» (*Lex Sarracenoꝝ*) – Коран. С ними работали некто Петр Толедский, знаток арабского, но плохо понимавший по-латыни, которому помогал переводить на латынь его тезка – Петр из Пуатье, секретарь Петра Достопочтенного; в работе с текстами участвовал и некий сарацин по имени Мухаммад (*Mahumetus*), о котором не сохранилось почти никаких сведений¹. В результате напряженного труда с арабского языка на латинский был переведен целый ряд замечательных памятников. Собрание этих переводов получило название по имени основанной архиепископом Раймундом школы переводчиков «Толедским корпусом» (*Corpus Toletanum*) или «Толедской коллекции» (*Collectio toletana*).

На протяжении всего Средневековья настоящий сборник был главным источником сведений об исламе, а в период Реформации известный швейцарский востоковед и лингвист Теодор Библиандер (Бухманн) целиком издал его в Базеле в 1543 г., снабдив предисловием, которое взялся написать сам Мартин Лютер [7]. Поразительным образом эти тексты, за исключением аль-Кинди и нескольких сочинений Петра Достопочтенного, до сих пор не изданы, хотя сохранилось множество рукописей в самых разных книгохранилищах Франции, Англии, Италии, Германии, Испании и даже России². Собственно, к одной из рукописей «Толедской коллекции» мы сейчас и обратимся, а именно к кодексу 1162 из Арсенальной библиотеки [9]³, где приведены следующие сочинения: 1) *Summa totius haeresis Saracenorū* (fol. 1ra-3va) – составленное Петром Достопочтенным жизнеописание пророка, предваряющее корпус переводов; 2) *Epistola domni Petri abbatis ad domnum Bernardum* (fol. 3vb-4vb) – письмо клюнийского аббата Бернару Клервоскому, в котором он разъясняет старшему другу цель своего труда; 3) так называемая *Fabulae Sarracenorū* (fol. 5r-10v) (в некоторых рукописях сочинение носит название *Chronica mendosa et ridicula Sarracenorū*) – тексты, переведенные Робертом Кеттоном с неизвестного арабского оригинала, включавшие еврейские и мусульманские легенды о сотворении мира и человека, хронологию

¹ См. об этом [2, с. 54]: “Christianis interpretibus etiam Saracenum adiunxi. Christianorum interpretum nomina Robertus Ketenensis, Armannus Dalmata, Petrus Toletanus. Saraceni Mahumetus nomen est”.

² Самый полный к настоящему времени обзор рукописей составила М.-Т. д’Альверни: [8 с. 202–218].

³ Этот пергаментный кодекс состоит из 178 фолио, написан готическим письмом XII в., текст в кодексе расположен в две колонки, 200 × 60 мм.

патриархов и пророков, а также сведения о Мухаммаде и наброски биографий первых семи халифов вплоть до Язида 1 (645–683); 4) *Liber Generationis Mahumet et nutritura eius* (fol. 11r-18r) – перевод Германом Далматинским арабского сочинения о генеалогии Мухаммада, содержавшего рассказы о его рождении и первых годах жизни; 5) *Doctrina Mahumet* (fol. 19r-25v) – перевод тем же ученым арабского текста, написанного в виде диалога Мухаммеда с неким иудеем Абдиллахом (Абдией?) и другими еврейскими мудрецами о содержании мусульманской веры: в нем перечисляются сто вопросов, заданных евреями пророку, а также ответы, претендующие на то, чтобы доказать пророческий дар Мухаммеда и истинность учения ислама; 6) *Lex Sarracenorum* (25v-138r) – пожалуй, главная часть «Толедского корпуса» – перевод Робертом Кеттоном на латынь Корана и, наконец; 7) *Epistola Sarraceni ad christianum* – переведенное Петром Толедским с участием Петра Пуатевинского сочинение, написанное в первой половине IX в. и известное в христианской традиции под названием «Апология аль-Кинди». Оно представляет собой скорее всего вымышленную переписку мусульманина и христианина, живших при дворе халифа аль-Мамуна, – в письмах каждый из них предлагает другому перейти в его веру.

«Дьявольская секта сарацин»

В письме к Бернару Клервоскому, также помещенном в «Толедском корпусе», Петр Достопочтенный отчетливо поясняет ту цель, которую он преследовал, затеявая столь мощный интеллектуальный проект: он желал выступить против «нечестивой секты гнуснейшего человека» (*spurcissimi hominis sectam nefariam*); следуя примеру отцов Церкви, сражавшихся против еретических учений, разоблачить созданную Мухаммадом «наихудшую никуда не годную ересь» (*pessimam nequam Mahumeti haeresim*), которая своим «смертельным чумным дыханием заразила уже почти половину мира» (*eius letali peste dimidium paene orbis infectus*) [9 fol. 3vb-4vb]. Таким образом, знакомство с интереснейшими исламскими сочинениями, которые впервые предлагаются вниманию христианских читателей, оказывается всего лишь средством борьбы против ненавистного учения. Петр Достопочтенный надеется, опираясь на знание переведенных с арабского текстов, создать настоящее «арсенальное оружие» христианской апологетики и полемики (*Christianum armarium*), которым смогут пользоваться другие прелаты, чтобы разьяснять своей пастве истинную суть учения Мухаммада [9 fol. 4vb].

Вот почему переводы в Толедской коллекции предваряет одно из главных сочинений Петра Достопочтенного об исламе – «Summa totius haeresis ac diabolicae sectae Saracenorum» («Сумма всей ереси и дьявольской секты сарацин»), в котором аббат вкратце изложил основные догмы ислама и биографию Мухаммада (Магомета). Это сочинение было призвано ввести христианского читателя в круг тематики Толедского корпуса и подготовить его к восприятию мусульманских текстов. В нем средневековый богослов прежде всего разбирает основные расхождения между христианами и мусульманами в интерпретации основных догматов веры. В ряде пассажей он указывает на то, что сарацины отрицают св. Троицу, что в свою очередь связано с их ошибочным, с его точки зрения, толкованием догмата о Воплощении: признавая Христа великим пророком, они отрицают Его божественную природу, как и Страсти Христовы. Клунийскому аббату известно, что последователи Магомета (Machumet) полагают, будто Иисус не был распят на кресте: Бог спас его и вознес на небеса, где он будет находиться вплоть до пришествия Антихриста. Ничего нового в таких воззрениях аббат не видит – напротив, он пытается доказать, что те же самые идеи уже высказывали в прошлом еретики и что в целом учение ислама представляет собой «отбросы древних ересей» (*antiquarum haeresum faeces*): «вместе с Савелием, – говорит Петр Достопочтенный, – он (Мухаммад, – *С.Л.*) отрицает Троицу, вместе с Несторием отвергает божественную природу Христа, вместе с Манихеем не признает смерти Господа, хотя и не отрицает Его вознесения на небеса»⁴. Отрицающее все эти христианские догматы ошибочное учение, как считает клунийский аббат, было создано «дьявольским ухищрением» (*diaboli machinatio*), нечестивые семена (*seges nefaria*) его были посеяны Арием, далее оно было распространено сатаной через Магомета и, «согласно дьявольскому замыслу» (*secundum diabolicam intentionem*), завершится в Антихристе. Таким образом, за спиной Магомета действовал дьявол, а сам пророк ислама – связующее звено между еретиком Арием и Антихристом, ибо сатана воспользовался им как своим орудием. В глазах аббата учение Магомета представляет собой пеструю смесь из иудейского и христианского законов: его «нечестивое писание» (*scriptura nefaria*) было варварским образом (*barbaro modo*) составлено как «из иудейских

⁴[2 с. 10,12]: “Inter ista omnes pene antiquarum haeresum faeces, quas diabolo imbuente sorbuerat, revomens, cum Sabellio Trinitatem abnegat, cum suo Nestorio Christi deitatem abicit, cum Manichaeo mortem Domini diffitetur, licet regressum eius non neget ad caelos”. Ср.: [8 fol. 2rb].

басен, так и еретического вздора», это смесь истины и фальши – ведь, с одной стороны, он отвратил арабов от идолопоклонства и обратил к вере в единого Бога, с другой – как еретики или иудеи, отрицает Его божественную природу и пр. И так сплести хорошее и плохое, фальшь и истину мог только дьявол, – считает Петр Достопочтенный. В созданном им новом законе Магомет, по словам клюнийского аббата, чудовищным образом «соединил голову человека, шею лошади и перья птицы»⁵. Создавая этот образ, Петр Достопочтенный явно позаимствовал его из сочинения Горация «О поэтическом искусстве», где поэт говорит о безвкусном смешении стилей у плохих стихотворцев, у которых «дельфин в лесу» и «кабан в море». И слова клюнийского аббата действительно можно интерпретировать как реминисценцию этих строк:

Если художник решит приписать к голове человеческой
 Шею коня, а потом облечет в разноцветные перья
 Тело, которое он соберет по куску отовсюду –
 Лик от красавицы девы, а хвост от чешуйчатой рыбы, –
 Кто бы, по-вашему, мог, поглядев, удержаться от смеха?
 (Пер. М.Л. Гаспарова)

Humano capiti ceruicem pictor equinam
 iungere si uelit et uarias inducere plumas
 undique collatis membris, ut turpiter atrum
 desinat in piscem mulier formosa superne,
 spectatum admissi, risum teneatis, amici?

Как видим, во введении к «Толедскому корпусу», поясняя суть своего труда христианским читателям, Петр Достопочтенный представляет пророка ислама настоящим чудовищем, создавая негативный стереотип.

“Liber generationis Mahumet”: текст и иллюстрация

Скрытую ссылку на Горация мы обнаруживаем в тексте на fol. 2v рукописи Арсенальной библиотеки. А на fol. 11r мы видим изображение, которое просто напрашивается на то, чтобы рассматривать его как своего рода иллюстрацию к сказанным средневековым

⁵ [2 c. 12]: “et sic, ut ait ille, undique monstruosus humano capiti cervicem equinam et pennas auium copulauit”. Ср.: [9 fol. 2v].

*Itē de generatione mahumet — nunciatum est. qđ transiit hermannus scilicet
 scolasticus subtilis — ingeniosus. ap̄ legionem hispanie ciuitatem.*

LIBER GENERATIONIS MAHUMET — NUNCII DEL ORATIO DEL
 — SUPER EYMA ET SAL.
 ab adam & eua. p̄ ordine parentum
 utriusq; sexus. usq; ad tempus quo p̄
 dicitur cum d̄s p̄fectum. gratiosum. &
 idoneum sibi. ^{in libi} Cuius auctores p̄ ordine.
 primus kabalabbar. deinde abuaballa
 mahumet filius eize. post hunc abual
 nutaret abderahmen filius eize.
 Deinde abuzaid filius clearabil. postquē
 abumahumet alabez filius abdalla.
 sicq; alfad filius tabfar. atq; abulambe.
 deinde azerigi filius sulumen. Post q̄
 mahumet albalachi. postremus filius
 zaid abuhamar. Primus ḡ kabalabbar.
 sequentiū omnū testimonio. cum in
 scripturis p̄pham hunc sc̄lo nascitū
 rum studiosē didicisset. omnēq; histo
 riam uiri astrologico testimonio ap
 p̄basset. ecce sc̄loz serie inipis dieb'
 suis. uirū natiū audire incunare arabie
 ieserab. om̄ia p̄udentie sue signa clā
 preferencē. Celebri demū fama fre
 quentiq; testimonio motus hominē
 adit. quē undiq; uersum p̄ficiens.
 omnēq; modū eius & conuersationē
 obseruans. ita quidē ut ipsa etiam
 corpis uocis easdem qual̄ prestigna
 uerat reperire. ut in
 fronte maclām. inter
 scapulas huiusmodi
 karakterem. hunc ipsum esse

plane deprehendit. Quod deinde ut etiam
 sc̄loz serie diuinaq; dispositione cōparā.
 incipient ab adam & eua usq; ad mahumet.
 ordine generationis eius. a magistro suo
 kabetmehti. acceptā in hunc modū. ex
 ponit.

CREATOR D̄S OMNIPOTENS.
 ut primū adam creauerat.
 consurgens recent cerebrum subitō
 concremescens sonat. n̄ aliter quā fron
 del uento cōmore. Qđ stupenti ade
 sonitus inq; dñs quē miraris adam. sig
 num ē p̄pharū & nuntioz mandati
 mei. hoc ḡ lucis sem̄ uirtutis meę do
 no conceptū. n̄ mihi dignis lumbis mun
 deq; uulue cōmendabit. *F*uit itaq; lux
 nascituri ex eo p̄phē mahumet. omib'
 dieb' resplendens ex facie adam. tanq̄
 sol. in rota circuli sui. aut luna in nocte
 plenilunij. Quotiensq; etiam aggressu
 rus erat. lauare & mundari castigabat.
 dubius qua hora dñs sem̄ lucis ex
 eo p̄mouere. Obseruabat ḡ eua p̄cep
 ta maria. quousq; concepit seth. pa
 trem p̄pharū. & caput nuntioz dei.
 Qua ipsa hora lux splendens a facie aba
 migrauit in faciem eue. fuitq; exinde
 eua cunctis dieb' informe decore.
 lucisq; splendore addens. usq; adeo
 qđ & aeris t̄re; animantia uultus
 eius nitorem admirata stupere.
 Stupens & ipse adam. se a tactu gra
 uide cohibuit. Singlis itaq; diebus

писателем словам об учении ислама. Это некий «портрет» пророка ислама (см. рис. 1). Перед нами изображение высотой в три сантиметра: нарисована голова бородатого человека, взгляд которого устремлен вперед; к голове неуклюже приставлено тело рыбы. Вверху справа, касаясь похожего на перо плавника, прикреплен как бы к плечу неправильный овал, в который вписано имя Mahumeth. Все изображение выполнено в цвете киновари, но имя пророка – темно-коричневыми чернилами и тем же цветом – веки и линия брови. У существа очень серьезное и в то же время настороженное выражение лица.

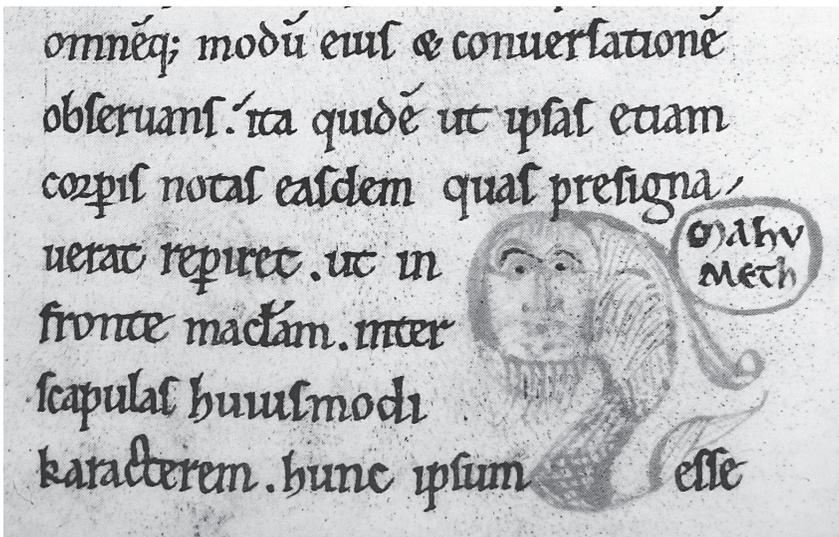
Впервые обратившая внимание на этот «портрет» французская исследовательница М.-Т. д'Альверни написала о нем следующие строки: «Неизвестный художник просто вдохновился стихами Горация, которые упомянул Петр Достопочтенный в своей “Сумме”, давая суровую оценку гибридной природе пророка: “и так чудовищным образом соединил голову человека, шею лошади и перья птицы”; и он спонтанно дополнил цитату, пририсовав хвост сирены»⁶.

Однако стоит обратить внимание на то, что иллюстрируемый текст на fol. 2v отстоит на восемь листов от самого изображения, расположенного на fol. 11r. А на этом листе начинается другой текст из «Толедского корпуса», повествующий о происхождении и ранних годах пророка – “Liber generationis Mahumeth”, повествующий о происхождении и генеалогии пророка ислама. Присмотримся к его содержанию, чтобы лучше понять смысл изображения и иллюстрирующего его текста, а, возможно, весь замысел «Толедского корпуса».

Начинается это состоящее из трех частей сочинение пророчеством Кабалахабара – еврея из Йемена, который узнал, что Писание и астрология совпали в предсказании появления нового пророка [9 fols. 11ra-rb]. И когда прорицатель услышал о том, что в эти же самые дни в Аравии в Ясрибе родился «отмеченный Провидением» муж (в тексте говорится о «знаках Провидения» – *providentie sue signacula*), он, возбужденный молвой, отправился в Ясриб понаблюдать за манерами этого человека и обнаружил у него на теле знаки (*corporis notas*), о которых ему было известно заранее: отметина

⁶[10 с. 81–82]: «...l'artiste inconnu a tout simplement inspiré des vers d'Horace évoqués par Pierre le Vénérable dans la Summula pour qualifier sévèrement la nature hybride de la doctrine du Prophète: “et sic undique monstruosus humano capiti ceruicem equinam et plumas uauium copulat” et il a completé spontanément la citation en dessinant la queue de la sirène». Впоследствии этот рисунок привлекал внимание ряда исследователей. Наиболее полный анализ изображения осуществил американский искусствовед Вальтер Кан: [11 с. 51–60].

на лбу (*in fronte maculam*) и печать <Mahumet> между лопаток (*inter scapulas omnimodi karacterem hunc ipsum <Mahumet>*). Собственно, «портрет» Мухаммада помещен напротив текста пророчества (рис. 2), а вписанное в овал имя <Mahumet> является частью рисунка и в то же время продолжает строку, так что мы имеем дело с характерной для Средневековья визуальной диаграммой, где текст используется как изображение, а изображение – как текст⁷. Как явствует из предсказания Кабалахабара, обнаруженные «телесные знаки» были доказательством пророческого дара Мухаммада, и эта мысль обосновывается в следующей части сочинения, где излагается родословная основателя ислама [9 fols. 11rb-16ra].

Собственно, в этой второй части сочинения говорится о передаче некоей мистической субстанции – божественного нетварного света (*semen lucis*) – от предков (начиная с Адама и Евы) через череду поколений, Еноха и Мафусаила, Ноя и его сына Сима, включая ветхозаветных праотцов – к самому Мухаммаду. Сам Бог объявил этот божественный мистический свет «знаком пророков и посланников» (*signum prophetarum et nunciorum*) [9 fol. 11rb]. Называемая также «светом пророка Мухаммада» (*lux prophete Mahumet*) [9 fol. 12ra], эта субстанция

⁷ Подобные диаграммы были чрезвычайно характерны для Средневековья. Подробнее см.: [12].

передавалась из поколения в поколение, в том числе патриарху Аврааму – в этот весьма значимый, как подчеркивается в трактате, момент свет с запада и свет с востока сошлись в центре мира, и ангелы сообщили о своем «благоприятном предзнаменовании» (*tripudium*), произнеся хвалу «свету пророка Магомета»⁸. Далее божественный свет перешел на сына Авраама Измаила, считавшегося родоначальником мусульман, его сына Кедара, от которого произошел род курайшитов (к нему принадлежал и Мухаммад), затем через ряд предков на прадеда пророка Хашима, деда Абд аль-Мутталиба и его отца Абдуллаха. Наконец, по прошествии веков наступил срок, когда «божественный свет» вышел в мир – это произошло в момент появления на свет пророка ислама⁹. В час рождения Мухаммада произошло крушение идолов¹⁰, а ангел принес младенцу три ключа – победы, закона и пророчества¹¹. Потом новорожденного посетили три мужа «с сияющими, как солнце, лицами» (*faciebus tanquam sol radiantibus*), и один из них, предсказав, что Мухаммад будет властелином мира, взял у другого кувшин, а у третьего – полотенце, омыл будущего основателя ислама семь раз и, «поискав «знак» (*sigillum*) между лопаток, наложил «печать» (*karacterem*), после чего, приняв ребенка на крылья, придвинул уста к его уху и долго нашептывал ему что-то неслышное для других¹².

Этот рассказ, как представляется, играет очень важную роль в замысле всего текста. Мухаммад не раз именуется «печатью пророков», причем не только в этой, но и в следующей, третьей части сочинения, которая начинается на fol. 16ra и представляет собой рассказ кормилицы пророка Галимы, стилизованный в духе

⁸[9 fol. 11rb]: “Qui, cum nasceretur, erumpentia duo lumina ex oriente et occidente in medio mundo concurrereunt, factaque est lux una, omnem mundum illuminans, a terra usque ad celum erecta. Factusque est sonitus angelorum per uniuersum orbem, plenus tripudio et modulamine celesti, cum ingenti preconio eam esse lucem prophete Mahumet, super eum oratio Dei et salus”.

⁹[9 fol. 15ra]: “Uentum est longa seculorum serie usque ad terminum quem prouiderat Deus et prescripserat ut lumen prophete Mahumet ipsum tandem in mundum prodire”.

¹⁰Ibid.: “Qua ipsa hora inclinati sunt idola et denigrata...”

¹¹[9 fol. 15va]: “Recepit Mahumet clauem uictorie et clauem legum et clauem prophete”.

¹²[9 fol. 15vb]: “Euoluensque sigillum inter scapulas eius suprascriptum karacterem impressit. Tum, assumens eum inter alas, affixo ore in aurem longum fudit susurrum nemini auditum”.

хадисов¹³. И здесь Мухаммад именуется не иначе как «печать пророков, господин посланников, лучший из первейших»¹⁴. Как известно, исламская традиция трактует печать как знак пророческого дара, и не случайно в тексте, призванном прежде всего доказать, что Мухаммад – пророк¹⁵, этому сюжету уделяется столь пристальное внимание. В Коране, суре 33, аяте 40 Мухаммад назван «посланником Аллаха и печатью пророков» – он замыкает ряд пророков, являясь наследником Моисея, Авраама, Иисуса. О печати пророка говорится и в сире Ибн-Хишама, где рассказано о том, как 12-летний Мухаммад отправился со своим дядей Абу-Талибом в Сирию и встретился там с христианским монахом Бахирой, который по некоторым признакам признал в Мухаммаде пророка – в частности, он заметил печать между лопаток [14 с. 65–96]. Ибн-Хишам, описывая внешний вид печати, говорил, что она походила на след ножика, посредством которого пускают кровь [14 с. 66]. Разные источники мусульманского священного предания передают, что печать была похожа на голубиное яйцо, след, оставленный банкой после кровопускания, или что напоминала черное или зеленое родимое пятно, или что на ней было написано «Мухаммад – посланник Аллаха» [15 с. 34].

Кажется, именно она изображена на «портрете» Мухаммада, помещенном в начале переведенного Германом Далматинским сочинения. Эта печать, о которой говорится на fol. 11 и следующих фолио манускрипта, изображена в виде овала с вписанным в него именем пророка Mahumet. Рисунок вовсе не случайно появился в начале трактата. Он расположен таким образом, чтобы проиллюстрировать строки об увиденных Кабалахбаром знаках пророчества – «отметине на лбу» (*in fronte maculam*) и «печати между

¹³Рассказ Галимы [9 fols. 17–19] написан уже не в прежнем торжественном стиле, характерном для первых двух частей сочинения, а скорее в стиле древних преданий – хадисов. Здесь же передается и подтверждающая избранничество пророка известная легенда о том, как ангелы рассекли грудь Магомета, омыли внутренности снегом, вынули сердце и удалили из него зерно сатаны: «*Apertaque uiscera niue lauit. Succedens secundus cor per medium fidit et e medio granum nigrum eripiens abiecit dicens: "Nec est portio diaboli". Tercius lota extergens me ut fueram et sum restituit...*» [9 fols. 17vb].

¹⁴“*sigillum prophetarum, dominus nuntiorum, melior prioribus*” [9 fols. 17va].

¹⁵Такую же цель в общем преследуют и другие сочинения из Толедской коллекции, переведенные по инициативе Петра Достопочтенного, например «Доктрина Магомета» [9 fols.19r-25v]. См. подробнее о понятии «печати пророка» в исламе: [13 с. 65–96].

лопаток» (*inter scapulas... karaceterem*). Занимающее пространство на уровне этих четырех строк текста вдоль правого края первой из двух колонок изображение вряд ли было импровизацией. Голова нарисованного существа немного приплюснута, рисунок включен в текст так плотно, что извивающийся хвост пришлось вписать между словами *ipsum* и *esse* (Рис. 2). Изображение не похоже на инициал и не является концом фразы, и можно с уверенностью сказать, что речь идет о запланированном заранее рисунке.

Теперь настало время сопоставить это изображение с текстом, который оно призвано иллюстрировать. Примечательно, что, говоря о знаках избранничества, латинский текст употребляет слово *macula* для обозначения отметины на лбу Мухаммада и слово *karacter* – для описания печати на спине. Надо сказать, что когда в Вульгате говорится о печати избранничества на челе праведников, то применяются другие слова – *signo*, *signum*. Так, например, в седьмой главе Откровения Иоанна Богослова (7:3), описывающей борьбу Церкви с дьяволом в конце света, избранники Бога, которые избегнут гибели, будут отмечены печатью на челе: «не делайте вреда ни земле, ни морю... доколе не положите печати на челах рабов Бога нашего (*quoadusque signemus* [здесь и далее курсив мой. – С. Л.] *servos Dei nostri in frontibus eorum*)» (Откр. 7:3)¹⁶. В Апокалипсисе (7:4) упоминаются 144 тысячи таким образом запечатленных праведников (*quadraginta quattuor milia signati*): «...и я слышал число запечатленных: запечатленных было сто сорок четыре тысячи из всех колен Израилевых»¹⁷. Однако Герман Далматинский в своем переводе арабского текста вместо привычного слова *signum* употребляет другое – *macula*. Оно же, как мы можем убедиться, означает «пятно», а в расширительном смысле – позор, бесчестье, т. е. имеет отчетливые негативные коннотации. Синонимом *macula* в тексте является слово *karacter*, обозначающее печать между лопаток Мухаммада. Этот термин, в отличие от *macula*, встречается в Вульгате, но в специфическом контексте. В каком же? В 13-й главе Откровения апостола Иоанна говорится об Антихристе (13:1–7), который хулил Бога и вел войну со святыми, а также о действующем его властью лже-пророке (13:11–18). Этот фальшивый пророк обольщал чудесами и знамениями живущих на земле сделать образ апокалиптического зверя (Антихриста) и

¹⁶ См. текст Вульгаты [16]: “*dicens nolite nocere terrae neque mari neque arboribus quoadusque signemus servos Dei nostri in frontibus eorum*”.

¹⁷ [16]: “*et audivi numerum signatorum centum quadraginta quattuor milia signati*”.

поклоняться ему, от чего праведники откажутся, а тем, кто согласится почитать зверя, «положено будет начертание на правую руку или на чело их» (*character in dexteram manu aut in frontibus suis*)¹⁸, и «никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его 666» (*character nomen bestie aut numerum eius... sescenti sexaginta sex*)¹⁹. В Апокалипсисе (14:9–10) говорится, что «кто поклоняется зверю и образу его и принимает начертание на чело свое и руку свою, тот будет пить вино ярости Божьей»²⁰, а те, кто «не поклонялись ни зверю, ни образу его, и не приняли начертание на чело свое и руку свою (*characterem in frontibus aut in manibus suis*)», в Судный день спасутся и будут царствовать со Христом²¹. Сам же апокалиптический зверь и с ним лжепророк, производивший чудеса перед ним, которыми он обольстил «принявших начертание зверя и поклоняющихся его изображению» (*qui acceperunt characterem bestiae qui et adorant imaginem eius*)²², оба живые «брошены в огненное, горящее серою озеро». Таким образом, в «Откровении ап. Иоанна Богослова» *character* – это печать на правой руке и челе, являющаяся знаком Зверя, последователей Антихриста²³, точно так же, как *signum* – печать на челе избранников Божьих, которые не приняли печати Антихриста и спасутся, в то время как те, кто принял начертание зверя (*character bestie*), не избежат «ярости Божией» (Откр. 14:10). Так противопоставляются избранники Божьи с печатью на челе и поклонившиеся «образу зверя» и принявшие его начертание. Совершенно не случайно слово «*character*» употребляется как в пассаже, иллюстрируемом рисунком на fol. 11r, так и в упомянутом выше

¹⁸ [16]: “Et faciet omnes pusillos et magnos et divites et pauperes et liberos et servos habere character in dexteram manu aut in frontibus suis...”

¹⁹ См. [16]: “et ne quis possit emere aut vendere nisi qui habet character nomen bestie aut numerum eius...et numerus eius est sescenti sexaginta sex”.

²⁰ [16]: “si quis adoraverit bestiam et imaginem eius et acceperit characterem in fronte sua aut in manu sua et hic bibet de vino irae Dei”.

²¹ Ibid.: “et qui non adorauerunt bestiam neque imaginem eius nec acceperunt characterem in frontibus aut in manibus suis et vixerunt et regnaverunt cum Christo mille annos...”

²² [16,19:20]: “et apprehensa est bestia et cum illo pseudopropheta qui fecit signa coram ipso quibus seduxit eos qui acceperunt characterem bestiae qui et adorant imaginem eius vivi missi sunt hii duo in stagnum ignis ardentis sulphurae...”

²³ *Character* в буквальном смысле значит «тавро», «клеймо», – см.: [17 с. 1144].

рассказе о том, как «муж с сияющим ликом» ставит печать между лопаток новорожденного Мухаммада²⁴. В вышеприведенном контексте знак пророческого избранничества, о котором говорится в сочинении, печать пророка превращается под пером переводчика Германа Далматинского в клеймо, в знак демонической силы, искусителя, постыдный знак, т. е. в свою противоположность. И весь предыдущий рассказ о мистическом божественном свете, о «знаке пророков» (*signum prophetarum*) также, видимо, приобретает совершенно иной смысл. И таким образом, Мухаммад оказывается не пророком и не посланником Бога, не избранником Божиим, а орудием сатаны, отмеченным печатью Антихриста. Об этом как бы предупреждает читателя находящийся на первой странице рисунок, который создает предзаданное толкование текста, изменяя суть его содержания.

Подобная интерпретация образа Мухаммада хотя и противоречит смыслу переведенного Германом Далматинским трактата, но хорошо вписывается в общий замысел Толедского корпуса, как и всей христианской традиции. Ведь за несколько страниц до сочинения о происхождении Мухаммада Петр Достопочтенный высказывает суждение, согласно которому пророк ислама является неким связующим звеном между Арием и Антихристом: «Кажется, по праву нечестивейший Магомет (*impiissimus Mahumet*) был избран и подготовлен дьяволом в качестве посредника между тем и другим (Арием и Антихристом), так как он некоторым образом стал, пожалуй, в душах неверных как дополнением к учению Ария, так и пищей для Антихриста, который будет утверждать еще худшее, чем Арий»²⁵.

Мухаммад-Антихрист

Стоит вспомнить, что Мухаммад изображался псевдо-пророком и Антихристом в ряде текстов, написанных еще в IX в. в мусульманской Испании, задолго до составления Толедской коллекции. Для епископа из Кордовы Евлогия Мухаммад – лже-пророк (*pseudo-propheta*), провозвестник конца времен и предтеча Антихриста

²⁴ См. примеч. 20.

²⁵ [2 с. 16]: “*Antichristus tandem nullo modo illum Deum vel Dei Filium, sed nec etiam bonum hominem fuisse asserendo consummaturus est, merito impiissimus Machumet, inter utrumque medius, a diabolo provisus ac praeparatus esse videtur, qui et Arii quodammodo supplementum et Antichristi peiora dicturi apud infidelium mentes maximum fieret nutrimentum...*”

(*percursor Antichristi*)²⁶. Составленное им жизнеописание Мухаммада является своеобразной иллюстрацией новозаветного текста: «многие лже-пророки восстанут, и прельстят многих» (Мф 24:11). Примечательно, что все в той же Толедской коллекции в «Апологии аль-Кинди» христианин в своем письме мусульманину (*Rescriptum Christiani*), написанном с целью разоблачения ислама, разработал целую систему аргументов для доказательства того, что Мухаммад – лже-пророк: во-первых, он не сумел предсказать будущее, во-вторых, не совершал чудес и, в-третьих, вел развратный образ жизни [19 с. 55–56]. Его аргументацию заимствует испанский писатель Педро Альфонси для своего «Диалога с иудеями», где в пятой главе он излагает биографию Мухаммада, которого изображает как фальшивого пророка²⁷. Позже трактатом аль-Кинди вдохновится и сам Петр Достопочтенный и, используя все те же приемы, напишет сочинение «Против сарацинской секты», большая часть которого посвящена разоблачению пророческого дара Мухаммада [2 с. 167]. Наконец, в 1199 г., накануне очередного крестового похода, папа Иннокентий III в одном из своих писем отождествляет Мухаммада с числом апокалиптического зверя 666 [21 с. 261–277]. Так в средневековой литературе было принято толковать жизнь и деятельность учителя мусульман. И конечно, переведенный Германом Далматинским яркий и красочный текст о пророческом даре Мухаммада следовало также вписать в существующую христианскую традицию, что, собственно, и сделал средневековый ученый, своеобразным способом переосмыслив сочинение арабского автора...

Заключение

Петр Достопочтенный, приехавший в Толедо познакомиться с мусульманскими памятниками, к которым он питал явный интерес, действительно желал познакомить христиан с исламом. Однако, как мы видели, главная цель его проекта все же заключалась в том, чтобы создать «арсенальное оружие» (*armarium*) для борьбы против ислама и, вооружившись новыми знаниями, разоблачать чуждое христианству учение. Прекрасно понимая опасность увлечения западными христианами богатейшей исламской культурой, клюнийский аббат желал предупредить их о губительности подобных пристрастий: «Может быть, изданный том будет препятствовать

²⁶ [18 col. 481].

²⁷ [20 col. 601]: “*Indicia namque veri prophete sunt probitas vitae...*”

нашим тайным помыслам, которыми могут быть введены в соблазн те, кто думают, что у этих нечестивых может быть какое-то благочестие и что у слуг лжи может быть какая-то истина» [18 с. 56, 58].

Статья выполнена в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 17-01-00030 РФФИ «“Легенда” о Магомете: средневековые образы ислама».

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project “ ‘The Legend of Mohammed’ in the West: medieval images of Islam”, no. 17-01-00030.

Литература

1. Vita Mahumeti / F. Hübner (ed.) // Historische Vierteljahrschrift. 1935. Bd. 29. S. 440–490.
2. *Petrus Venerabilis*. Schriften zum Islam / R. Gleis (hrsg.). Würzburg: Altenberge, 1985. 328 p.
3. *Guibert de Nogent*. Dei Gesta per Francos et cinq autres textes. Turnhout: Brepols, 1996. 443 p.
4. *Di Cesare M.* The Pseudo-historical Image of the Prophet Muhammad in Medieval Latin Literature. Berlin; Boston: De Gruyter, 2012. 541 p.
5. Vitae Mahometi. Reescritura e invención en la literatura cristiana de controversia / C.F. Hernández, Ó.de la Cruz Palma (eds). Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 2014. 386 p.
6. *Kritzack J.* Peter the Venerable and Islam. Princeton: Princeton University Press, 1964.
7. *Theodor Bibliander*. Machumetis Sarracenorum principis eiusque successorum vitae, ac doctrina, ipseque Alcoran. Basel, 1543. 163 p.
8. *d'Alverny M.-Th.* Quelques manuscrits de la “Collectio Toletana” // *Petrus Venerabilis 1156–1956. Studies and Texts Commemorating the Eighth Centenary of His Death* / G. Constable, J. Kritzack (eds.). Rome: Herder, 1956. P. 202–218.
9. Ms. 1162. Bibliothèque de l'Arsenal. 119 fols.
10. *d'Alverny M.-Th.* Deux traductions latines du Coran au Moyen âge // *Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Âge*. 1948. Vol. 16. P. 81–82.
11. *Cahn W.B.* The “Portrait” of Muhammad in Toledan Collecton // *Reading Medieval Images. The Art Historian and the Object* / C. Seers, T.K. Thomas (eds.). Ann Arbor, MI: University of Michigan, 2002. P. 51–60.
12. *Hamburger J.F.* Script as Image. Leuven; Paris: Peeters, 2014. 71 p.

13. *Rubin U.* The Seal of Prophets and the Finality of Prophecy // *Zeitschrift der Morgenländischen Gesellschaft*. 2014. Bd. 164. Hf. 1. S. 65–96.
14. *Ибн Хишам.* Жизнеописание Пророка Мухаммада, рассказанное со слов аль Бакаки, со слов Ибн Исхака аль Мутталиба (первая половина VIII века) / пер. с арабского Н.А. Гайнуллина. М.: УММА, 2007. 655 с.
15. *Schimmel A.* Und Muhammad ist sein Prophet: die Verehrung des Propheten in der islamischen Frömmigkeit. München: Diederich, 1995. 280 p.
16. *Apocalypsis* // *Biblia Sacra (iuxta vulgatam versionem)*. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1983. 3 Auflage. P. 1882–1907.
17. *Du Cange Ch.D.* Glossarium mediae et infimiae latinitatis. In 6 vols. Vol. 1. Paris: Niort, 1883. 186 p.
18. *Eulogius Cordubensis.* Liber apologeticus martyrum // *Corpus scriptorium muzarabiorum* / J. Gil (ed.). In 2 vols. Madrid: Instituto Antonio de Nebrija, 1973. Vol. 2. P. 475–495.
19. *Exposición y refutación del Islam. La version Latina de las epistulas de al-Hasimi y al-Kindi* / F. Gonzalez Muñoz (ed.). A Coruña: Universida de da Coruña, 2005. 290 p.
20. *Petri Alfonsi ex Judaeo Christiani Dialogi contra Judaeos* // *Patrologiae cursus completus*. Parisiis: apud Garnier Fratres, 1843. Vol. 157. Cols. 672–706.
21. *Alphandéry P.* Mahomet-Antichrist dans le Moyen âge latin // *Mélanges Hartwig Derenbourg*. Paris: Leroux, 1909. P. 261–277.

References

1. Hübner F., ed. Vita Mahumeti. *Historische Vierteljahrschrift*. 1935;29:440-90.
2. Gleï R., hrsg. Peter the Venerable. Works on Islam. Würzburg: Altenberge, 1985. 328 s.
3. Guibert of Nogent. The Deeds of God Through the Franks and Five Other Texts. Turnhout: Brepols. 1996. 443 p.
4. Di Cesare M. The Pseudo-historical Image of the Prophet Muhammad in Medieval Latin Literature. Berlin; Boston: De Gruyter, 2012. 541 p.
5. Hernández CF., Cruz Palma Ó. de la, eds. The Lives of Mahomet. Rewriting and Interpretation in the Christian Polemical Literature. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 2014. 386 p.
6. Kritzeck J. Peter the Venerable and Islam. Princeton: Princeton University Press, 1964.
7. Theodor Bibliander. The Life and Teaching of Mahomet, the Principle pf Saracens, and His Successors along with the Coran. Basel, 1543. 163 p.
8. d'Alverny MTh. Some manuscripts of the "Toledan Collection". *Petrus Venerabilis 1156–1956. Studies and Texts Commemorating the Eighth Centenary of His Death*. Rome: Herder, 1956. p. 202-18.
9. Ms. 1162. Bibliothèque de l' Arsenal. 119 fols.

10. d'Alverny MTh. Two Latin Translations of the Coran Done in the Middle Ages. *Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Âge*. 1948;16:81-82.
11. Cahn WB. The "Portrait" of Muhammad in Toledan Collecton. Seers C., Thomas T.K., eds. *Reading Medieval Images. The Art Historian and the Object*. Ann Arbor, MI: University of Michigan, 2002. p. 51-60.
12. Hamburger JF. *Script as Image*. Leuven; Paris: Peeters, 2014. 71 p.
13. Rubin U. The Seal of Prophets and the Finality of Prophecy. *Zeitschrift der Morgenländischen Gesellschaft*. 2014;164(1):65-96.
14. Ibn Hisham. *Life of Mahomet from the Words of al Bakkai and Ibn Ishaq*. Moscow: UMMA Publ.; 2007. 655 p. (In Russ.)
15. Schimmel A. *And Muhammad is His Prophet. The Veneration of Prophet in the Islamic Piety*. München: Diederich, 1995. 280 p.
16. Apocalypsis. *Latin Vulgate Bible*. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1983. 3 Auflage. p. 1882-1907.
17. Du Cange ChD. *Dictionary Medieval and Low Latin*. In 6 vols. Vol. 1. Paris: Niort, 1883. 186 p.
18. Eulogius of Córdoba. *The Book of Apology of Martyrs*. V: Gil J., ed. *Corpus scriptorium muzarabicorum*. In 2 vols. Madrid: Instituto Antonio de Nebrija, 1973. Vol. 2. p. 475-95.
19. Gonzalez Muñoz F., ed. *The Exposition and Refutation of Islam. The Latin Version of the Letters of al-Hashim and al-Kindi*. A Coruña: Universida de da Coruña, 2005. 290 p.
20. Peter Alfonso. *The Dialogues Against the Jews*. V: *Patrologiae cursus completus*. Parisiis: apud Garnier Fratres, 1843. Vol. 157. Cols. 672-706.
21. Alphandéry P. *Mahomet-Antichrist in the Latin Middle Ages*. *Mélanges Hartwig Derenbourg*. Paris: Leroux, 1909. p. 261-77.

Информация об авторе

Светлана И. Лучицкая, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-т, д. 32А; svetlana-luchitskaya@yandex.ru

Information about the author

Svetlana I. Luchitskaya, Ph. D in History, leading researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 32A, Leninsky av., Moscow, Russia, 119334; svetlana-luchitskaya@yandex.ru